

АРХЕОЛОГИЯ

О.Н. Корочкова, А.В. Мосунова

Уральский федеральный университет
ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620002
E-mail: olga.korochkova@urfu.ru;
mosunova.anna@urfu.yandex.ru

ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ ДУВАНСКОЕ XVII¹

Публикуется энеолитический комплекс многослойного памятника Дуванское XVII под Тюменью. Памятник хорошо известен как поселение федоровской культуры, но не меньший интерес представляет энеолитический период его обитания. В III тыс. до н.э. здесь были сооружены жилище и более 40 ям. Ямы правильной формы, хаотичной планировки, в заполнении некоторых найдены развалы сосудов андреевского, липчинского и шапкульского типов, мелкие обломки керамики, изделия из камня, в том числе миниатюрные шлифованные изделия. Основная масса находок сосредоточена между ямами. Некоторые параллели с расположенными в непосредственной близости погребальными комплексами Перейминский 1, 2, Чепкуль 21 и Бузан-3 позволяют рассматривать публикуемый комплекс как еще один могильник этого времени.

Ключевые слова: Нижнее Притоболье, Андреевская озерная система, энеолит, могильник, андреевский, шапкульский, липчинский.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-005-015

Почти 40 лет назад на р. Дуван, соединяющей Андреевскую озерную систему с р. Пышмой, было раскопано поселение Дуванское XVII. Памятник многослойный, что составляет характерную особенность местных археологических объектов [Зах и др., 2014, с. 6]. В культурном слое толщиной 0,6–1,5 м обнаружены артефакты разных периодов неолита, энеолита (около 1500 ед.), бронзового века (более 2500 ед.), раннего железного века и средневековья. Наиболее продолжительные периоды обитания относятся к III–II тыс. до н.э. Неолитические и средневековые находки сравнительно малочисленны, а комплекс раннего железного века (иткульская культура) насчитывает около 500 ед.

Внимание специалистов этот памятник привлек прежде всего как поселение федоровской культуры [Корочкова, Стефанов, 1983; Стефанов, Корочкова, 2000, с. 51–68]. При этом «за кадром» остались иные — энеолитические контексты этого памятника: жилище и комплекс ям. Уже в первой публикации исследователи отмечали, что раскопанные ямы чрезвычайно напоминают могильные [Корочкова, Стефанов, 1983, с. 143]. Сейчас, с учетом появившихся аналогий, эту версию можно развернуть, что мы и попытаемся сделать в данной публикации.

Поселение Дуванское XVII находится на правом берегу р. Дуван (левый приток р. Пышма) в 10 км к западу от д. Муллаши Тюменского района Тюменской области. Памятник занимает участок гривного возвышения, ограниченного с севера и запада поймой Дувана, с юга — заболоченной ложбиной. Поверхность гривы неровная, высота над уровнем воды в реке около 2,5–3 м (рис. 1, А, Б). Вскрытая площадь составила 702 м². Раскопками в 1978 г. руководила М.Б. Абрамова, в 1979 г. — О.Н. Корочкова.

Объекты бронзового века — жилище 2 и связанные с его функционированием углубления, столбовые ямки, очаги концентрировались в юго-восточной части сводного раскопа, который вскрывался в 1979 г. [Стефанов, Корочкова, 2000, рис. 20]. В стратиграфическом отношении этому периоду соответствовал слой плотной супеси темно-коричневого цвета, насыщенный органикой. В его толще прекрасно сохранились кости животных, что стоит особо отметить, так как в местных песчаных почвах кость обычно не сохраняется.

Артефакты и объекты энеолитического времени определенно тяготели к северной и северо-западной частям раскопа — они исследовались в 1978 г. (рис. 1, Б). К этому периоду относятся жилище 1 и комплекс углублений и ям, расположенных к западу от него (рис. 1, В).

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 16-06-00174а, Госзадания 33.7280.2017/БЧ.

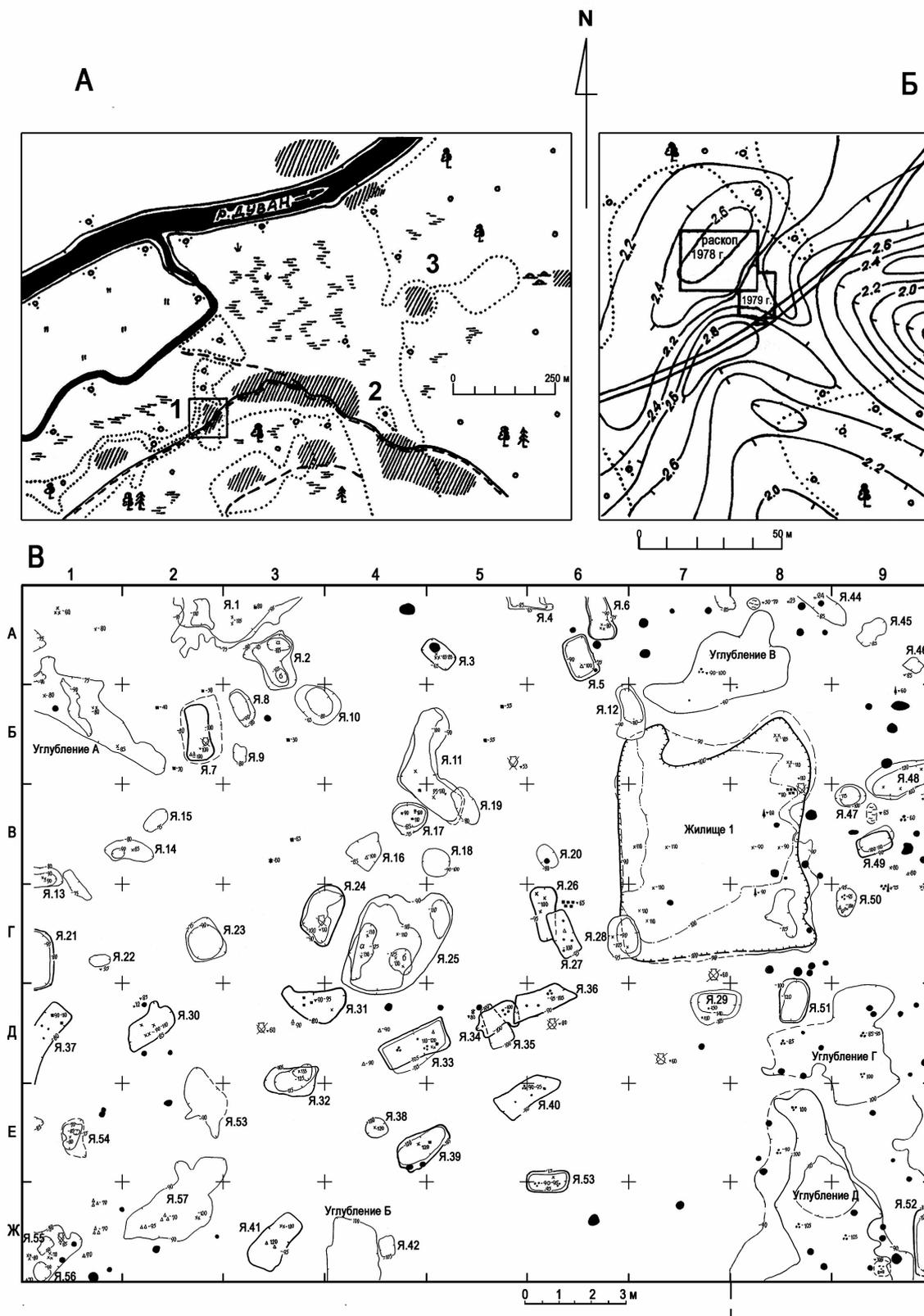

Рис. 1. Схема расположения археологических памятников на р. Дуван (А):
 1 — пос. Дуванское XVII, 2 — пос. Дуванское V, 3 — пос. Дуванское XVIII;
 план поселения Дуванское XVII (Б); план раскопа 1978 г. (В).

Энеолитический комплекс поселения Дуванское XVII

Котлован *жилища 1* подпрямоугольной в плане формы со скругленными углами размером 6×5,3 м. Длинные стены ориентированы по линии С–Ю. Северная торцевая стенка с глубоким прогибом. Котлован углублен в материк на 0,3–0,4 м. Заполнение центральной части — темно-серая супесь, фиксировалось в плане как большое пятно неправильной формы размером 5,5×4 м внутри котлована. Околостенное пространство шириной от 0,5 до 2 м представлено супесью светло-серого цвета. На неровном дне котлована встречались угольки, хотя остатки очага в котловане не выявлены.

Конструктивной особенностью жилища является сосредоточение ямок от столбов около восточной стенки (снаружи и внутри) и юго-восточного угла. Две крупные ямы (12 и 28), расположенные в северо-западном и юго-западном углах постройки, связывать с ее конструкцией нет оснований, поскольку они, судя по стратиграфии, были сооружены позже. Выход, скорее всего, был обращен на север, в сторону протоки, о чем свидетельствуют прогиб и углубление В около северной стенки. Рядом с ними зафиксировано около десятка столбовых ям, которые можно связывать с предвходовой конструкцией.

Реальные размеры сооружения были больше размеров котлована, и ямки за его пределами подтверждают это. Именно здесь, на расстоянии 1–3 м, находились опоры для стен жилища каркасно-столбовой конструкции. Пространство между котлованом и стенами жилища могло использоваться для обустройства лежанок, хранения утвари — деревянный настил в таком случае укладывался на «заплечики» котлована. Подобная практика сооружения каркасно-столбовых конструкций составляет особенность домостроительной традиции западно-сибирского населения [Бельтикова и др., 2003, с. 233–234; Борзунов и др., 2011, с. 269; Борзунов, 2015, с. 304].

Основная часть находок — керамика, в том числе развал сосуда (рис. 2, 1), скопление из 19 грузил биконической формы (рис. 4, 24, 25) располагались в восточной половине жилища, ближе к стене. Специально отметим такое обстоятельство: крупные обломки и развал сосуда залежали не только в котловане, но и за его пределами, рядом с южной стенкой, что поддерживает предложенный выше вариант реконструкции интерьера. Культурно-хронологическая позиция жилища устанавливается по преобладанию керамики андреевского типа. Найдены также фрагменты сосудов липчинского и шапкульского типов. Об их одновременности, помимо планиграфических и стратиграфических данных, сообщают сосуды смешанного облика, в орнаментации которых переплетены типичные андреевские и липчинские черты (рис. 2, 1), липчинские и шапкульские. Показательно, что эта особенность отчетливо просматривается в пределах достаточно компактной выборки.

Итак, культурная и функциональная верификация постройки 1 особых трудностей не вызывает. Сложнее обстоит дело с иными объектами, раскопанными к западу от нее. Речь идет о комплексе ям и углублений. Всего в раскопе вскрыто 57 ям и 6 углублений. Те из них, которые располагались внутри и рядом с котлованом жилища 2 [Стефанов, Корочкова, 2000, рис. 20], определенно связаны с обустройством и функционированием поселения бронзового века. Остальные — около 40 крупных ям относятся к энеолиту. Судя по заполнению — серая супесь различных оттенков, они были выкопаны в разное время. Какие-то ямы могли использоваться в хозяйственных или иных целях. В зависимости от конкретного назначения они имели различные размеры и форму, зачастую неправильную, нередко в их заполнении и на дне (ямы 1, 2, 57) находились обломки сосудов (рис. 2, 2; 3, 2).

Особого внимания заслуживают объекты, которые по ряду признаков могут быть отнесены к категории могильных (№ 3–7, 21, 24, 26, 27, 30–33, 35–37, 39–41, 43, 49, 51, 52). Они довольно больших размеров: длиной от 1 до 2 м, шириной 0,5–1 м, углублены в материк на 0,15–0,3 м (реальные значения глубины от древней поверхности приближались к 0,3–0,5 м). Форма в большинстве случаев подпрямоугольная со скругленными углами, реже — овальная или трапециевидная. Преобладающие ориентировки: С–Ю, СВ–ЮЗ, ССЗ–ЮЮВ; в заполнении иногда встречались угольки. В ряде случаев зафиксировано перекрытие объектов, например ямы 11 и 19; 26 и 27; 34, 35 и 36. Около некоторых «могил» обнаружены 1–2 столбовые ямки диаметром 10–15 см (ямы 5, 6, 30, 35, 39).

В планировке как будто нет определенной системы, за исключением, может быть, ям, окружавших 25-ю — самую большую из всех выявленных (размером 2,85×2,60 м, трапециевидной формы со скругленными углами). Находки из заполнения, в том числе придонного, — мелкие обломки энеолитической керамики. Отсюда же происходит обломок обожженной кости.

В 19 ямах были найдены керамика андреевского, липчинского и шапкульского типов, изделия из камня. Находок, как правило, мало, и они приурочены к верхним и средним слоям запол-

нения. Однако в отдельных ямах — 3, 5, 7, 14, 24, 26, 28, 41, 48, 57 их было относительно много. Из числа отмеченных охарактеризуем только некоторые.

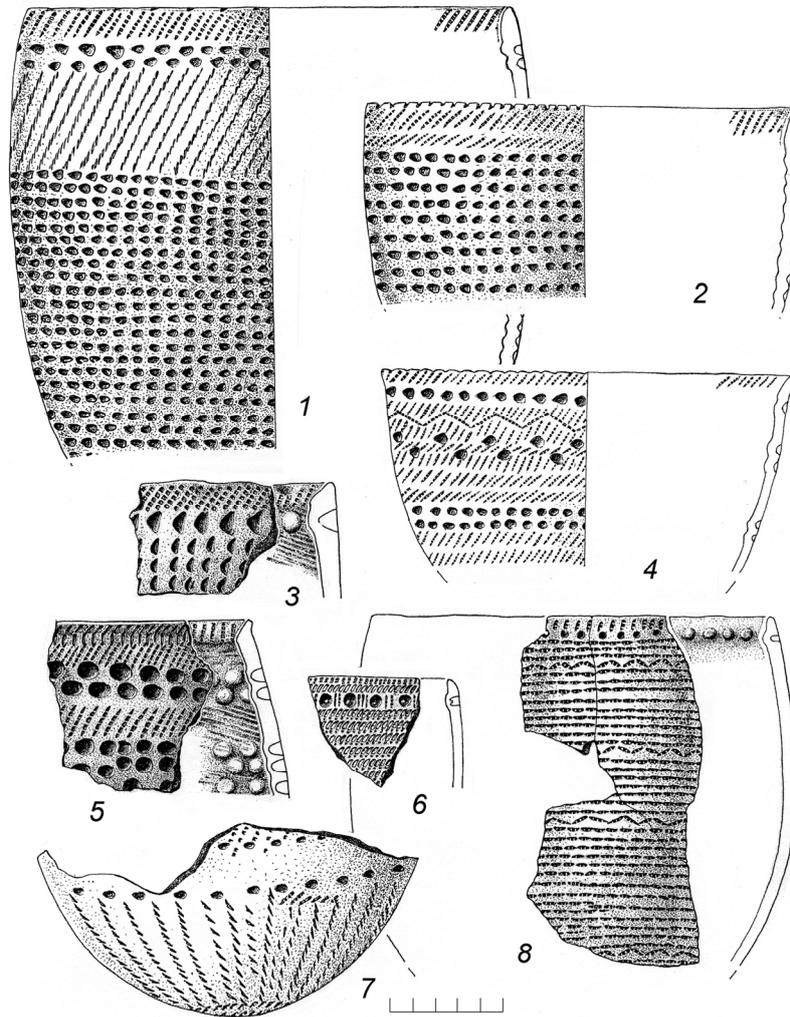

Рис. 2. Дуванское XVII. Керамика эпохи энеолита:

1 — жилище 1; 2 — кв. А/1; 3 — кв. Г/2; 4 — кв. Б/1; 5 — яма 6; 6 — кв. Ж/2; 7 — яма 7; 8 — кв. Ж/2.

Яма 3 (уч. А/5) подпрямоугольной формы со скругленными углами, размерами 1,0×0,65 м, ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Глубина 0,30–0,35 м, заполнение — супесь темно-серого цвета. В заполнении найдены 10 фрагментов сосуда андреевского типа, несколько фрагментов керамики шапкульского типа, 3 фрагмента керамики бронзового века, миниатюрное шлифованное тесло.

Яма 5 (уч. А/6) подпрямоугольной формы со скругленными углами, размерами 1,3×0,8 м, ориентировка — ССЗ–ЮЮВ. Дно неровное. Глубина ямы 0,30–0,36 м. Заполнение — супесь светло-серого цвета. Находка из заполнения — обломок кремневой стамески. Около юго-восточного угла и северной стенки ямы находились столбовые ямки.

Яма 6 (уч. А/6) исследована не полностью, часть осталась за пределами раскопа. Форма в плане подпрямоугольная, слегка суженная в центральной части. Размеры вскрытой части 1,25×0,65 м. Ориентировка в направлении ССЗ–ЮЮВ. Дно ровное. Глубина 0,25 м. Заполнение — темно-серая супесь. Находки в заполнении — несколько фрагментов одного сосуда андреевского типа (рис. 2, 5). Снаружи, около юго-западного угла, находилась столбовая ямка.

Яма 7 (уч. Б/2) подпрямоугольной формы со скругленными углами, 1,7×0,6 м, ориентирована в направлении С–Ю. Дно ямы неровное, слегка углубленное с западной стороны. Глубина

Энеолитический комплекс поселения Дуванское XVII

0,25 м. Заполнение — темно-серая супесь. В заполнении обнаружены развал сосуда липчинского типа (рис. 2, 7), ножевидная пластина, отщеп и обломок кремневого орудия.

Яма 24 (уч. Г/3–4) овальной формы, размеры 1,8×1,15 м. Ориентирована в направлении С–Ю. Глубина ямы 0,35 м. В заполнении — светло-серой супеси с включениями углей в нижней части ямы обнаружен развал сосуда шапкульского типа (рис. 3, 4).

Яма 26 (уч. Г/6) в плане подпрямоугольной формы со скругленными углами, 1,65×0,6 м, ориентирована по линии С–Ю, глубина около 0,3 м. Заполнение — светло-серая супесь. Находки — несколько обломков разных сосудов шапкульского типа. Юго-восточный угол ямы 26 нарушен более поздней ямой 27.

Яма 28 (уч. Г/6–7) овальная, размеры 1,28×0,95 м, ориентировка — по линии С–Ю, сравнительно неглубокая — 0,15 м. В заполнении — темно-серой супеси найдено несколько черепков керамики эпохи энеолита.

Яма 41 (уч. Ж/3) подпрямоугольная со скругленными углами. Размеры 1,95×0,95 м, ориентирована по линии СВ–ЮЗ, глубина 0,35 м. Заполнение — светло-серая супесь. Находки — несколько фрагментов керамики шапкульского типа, отщеп, ножевидная пластина.

Яма 48 (уч. Б–В/9) раскопана частично, ее восточная часть осталась за пределами раскопа. Размеры вскрытой части 2,0×1,0 м, ориентировка в направлении З–В, глубина 0,2–0,30 м. Основное заполнение — светло-серая супесь; на дне — супесь серого цвета с угольными включениями. В заполнении найдено несколько обломков энеолитических сосудов.

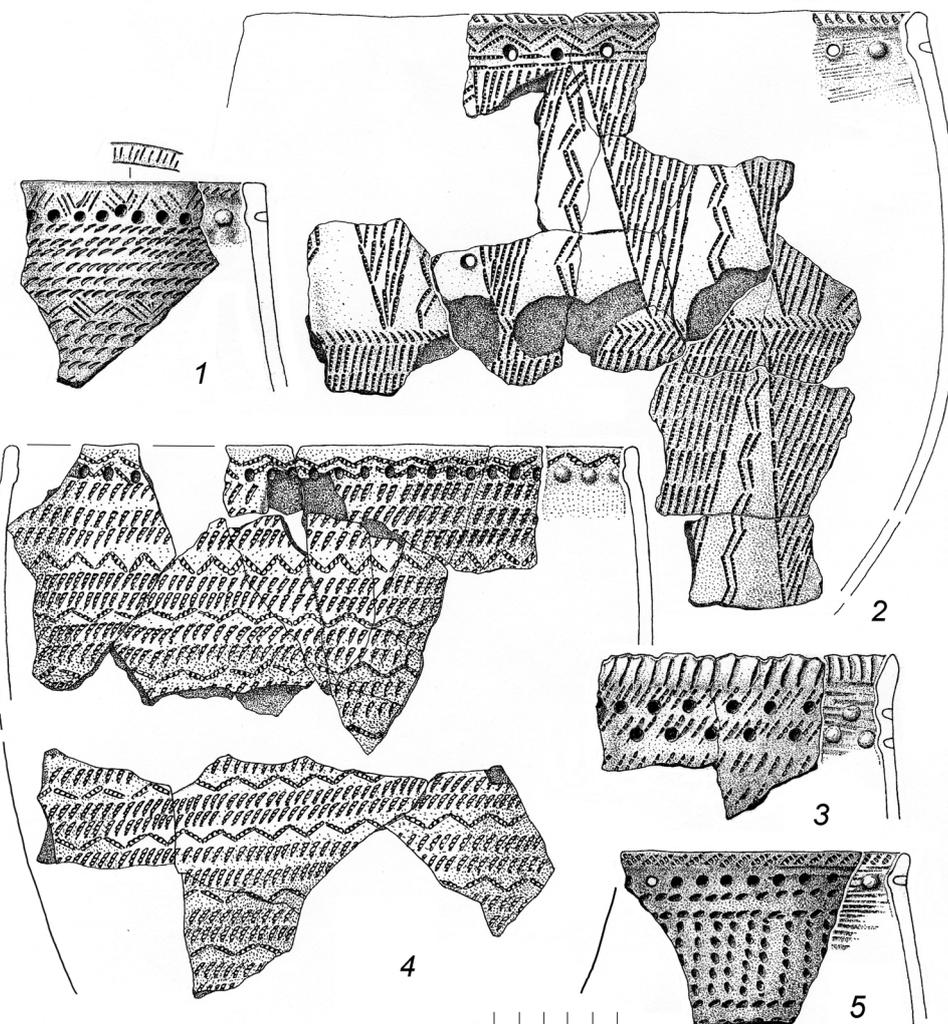

Рис. 3. Дуванское XVII. Керамика эпохи энеолита:

1 — жилище 1; 2 — кв. А/1; 3 — кв. Г/2; 4 — кв. Б/1; 5 — яма 6; 6 — кв. Ж/2; 7 — яма 7; 8 — кв. Ж/2.

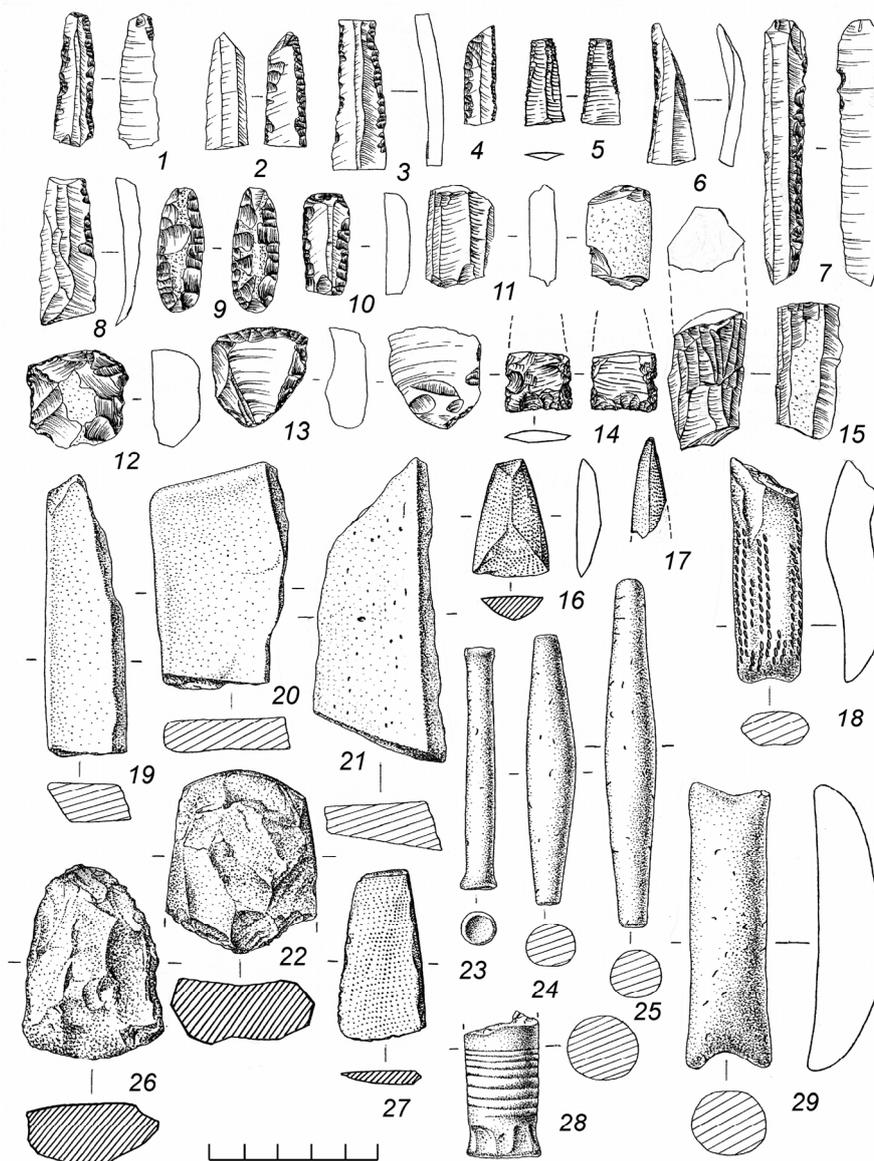

Рис. 4. Дуванское XVII. Каменный инвентарь (1–17, 19–22, 26, 27), глиняные грузила (18, 23–25, 28, 29).

Какими-то конструктивными особенностями раскопанные объекты не обладали. По правильной форме можно предположить, что стенки ям были укреплены, а расположенные рядом с некоторыми из них столбовые ямки могут рассматриваться как следы наземных сооружений.

Как расценивать находки из ям? Вполне вероятно, какие-то попали туда в результате перемещения культурного слоя, тем более что это место активно использовалось в бронзовом веке. Ситуация осложняется еще тем обстоятельством, что здесь функционировала постройка 1 эпохи энеолита. Встает вполне очевидный вопрос: энеолитические находки попали в заполнение из поселенческого слоя или были помещены туда намеренно? Вместе с тем планиграфия указывает на явное преобладание артефактов энеолитического времени в «межмогильном пространстве», в заполнении жилища и рядом с ним находок заметно меньше.

Коллекция керамики эпохи энеолита (более 1 тыс. ед.) включает обломки сосудов андреевского (рис. 2, 1, 2, 5), липичинского (рис. 2, 7, 3, 2) и шакульского типов (рис. 2, 4, 6, 8; 3, 1, 3–5), представленных примерно в равном соотношении. Есть также единичные фрагменты, близкие керамике лыбаевского, волвончинского типов.

Энеолитический комплекс поселения Дуванское XVII

Коллекция каменных изделий насчитывает около 260 ед. Среди них: орудия из пластин — 38 экз., отщепов — 66 экз., продольных сколов — 1 экз., поперечных сколов с нуклеусов — 2 экз., пластины — 17 экз., отщепы — около 60 экз., продольные сколы — 3 экз., ребристые пластины — 3 экз., нуклеусы — 5 экз., нуклевидные обломки — 7 экз., наконечники стрел — 5 экз., шлифованные изделия и их обломки — 6 и 7 экз. соответственно. Изделия представлены ножами, скребками, скобелями, ретушером, функционально неопределимыми орудиями. Ножи (21 экз.) изготовлены из пластин шириной 0,9–1,3 см, обработанных мелкой крутой и чешуйчатой ретушью по одному или двум краям, главным образом со спинки (рис. 4, 1–3, 7). Скребки (14 экз.) из пластин (7 экз.), отщепов (5 экз.), поперечного (1 экз.) и продольного (1 экз.) сколов (рис. 4, 9, 10, 12, 13). Скобели (2 экз.) на пластинах, имеют по несколько выемок, оформленных крутой ретушью (рис. 4, 6, 8). Наконечники стрел (2 экз. и 3 обломка) — бесчерешковые, один из них удлинённой иволистной формы, обработан сплошной чешуйчатой ретушью, другой — заостренный, расширенный к низу, оформлен мелкой крутой краевой ретушью со спинки (рис. 4, 14). Пластины (17 экз.) шириной 0,7–0,9 см и 1,9–2,5 см, треугольные и трапециевидные в сечении (рис. 4, 4, 5, 11). Нуклеусы (5 экз.) — призматические (рис. 4, 15), двух- и трехплощадочный. В коллекции имеются шлифованные орудия из зеленоватой сланцевой породы (рис. 4, 16, 17, 19–22, 26, 27) — долота, обломок стамески, нож и обломок, скорее всего, топорика. Не исключено, что среди описанного комплекса есть изделия, которые относятся к неолитическому времени, однако, учитывая морфологическое и сырьевое сходство инвентаря, вычлнить их сложно.

Представительную серию составляют рыболовные грузила (25 целых экземпляров и более 60 в обломках). Преобладают грузила биконической формы с приостренными или слегка уплощенными концами (рис. 4, 24, 25). Найдены также грузила цилиндрической формы с приплюснутыми концами в виде «шляпки» (рис. 4, 23, 28) и с раздвоенными концами (рис. 4, 18, 29).

Как интерпретировать исследованные ямы? Еще на стадии раскопок авторы предполагали, что здесь находился могильник эпохи энеолита. Однако отсутствие каких-либо антропологических остатков, а также убедительных аналогий затрудняли оценку этих объектов. Сейчас ситуация изменилась. Могильники этого времени раскопаны на берегах Андреевской озерной системы: Перейминский 1, 2, на Большом Андреевском острове [Зах и др., 1991, с. 13–19], Чепкуль 21 [Зах и др., 2005]. В Ингальской долине открыт замечательный памятник Бузан-3 [Матвеев и др., 2015]. Все они атрибутируются в рамках III тыс. до н.э.

От перечисленных выше некрополей Дуванское XVII отличают следующие черты: здесь нет антропологических остатков, нет свидетельств кремации, не зафиксировано применение охры, нет ни одного украшения. Из всех признаков, пожалуй, только регулярная форма ям и, как это ни покажется странным, безынвентарность относятся к разряду индикаторных. Дело в том, что среди известных сегодня энеолитических некрополей доля погребений с инвентарем невелика. На могильнике Бузан-3 раскопана 61 яма, из них к могилам причислено только 13 объектов, а погребальный инвентарь обнаружен лишь в половине из них [Матвеев и др., 2015, с. 68–69]. «Керамика представлена единичными фрагментами, которые происходят из межмогильного пространства и засыпки могильных ям» [Там же, с. 68]. При этом важно подчеркнуть, что на Бузане-3 не было поселенческого слоя и все энеолитические артефакты исследователи связывают с функционированием культовой площадки в эпоху энеолита. Близкая ситуация на могильнике Перейминский 2: из 9 погребений инвентарь присутствовал только в 7 [Зах и др., 1991, с. 16–18]. На Большом Андреевском острове из 26 погребений инвентаря не было только в 3, а керамика присутствовала в виде разрозненных черепков. По мнению исследователей, это указывает на то, что керамическая посуда использовалась в послепохоронных обрядах и размещалась на древней поверхности. Подобная картина характерна и для энеолитических погребений Среднего Зауралья [Шорин, 2000, с. 45, 47; Чаиркина, 2011, с. 119–121]. Внимательный читатель обратил внимание на некоторую обезличенность при описании керамики из «могил». Дело в том, что найденные в них черепки зачастую столь малых размеров, что определить их культурно-типологическую принадлежность невозможно, поэтому мы вынужденно ограничивались расплывчатой формулировкой «керамика энеолитического облика». В подобных ситуациях исследователи нередко оказываются при атрибуции иных энеолитических погребальных комплексов Зауралья [Чаиркина, 2011, с. 119; Матвеев и др., 2015, с. 59–61].

Еще один сюжет, на котором следует заострить внимание, касается соотношения «могил» и «жилища». Материал как будто указывает на их некоторую обособленность. Выше мы уже отмечали, что в заполнении жилища преобладала керамика андреевского облика, в то время

как из ям происходит керамика преимущественно липчинского и шапульского типов. Исследователи специально обращают внимание на обычай размещения погребений этого времени на территории поселений, в заброшенных жилищах [Шорин, 2000, с. 49]. Подобный вывод не противоречит столь распространенной практике так называемых интрамуральных погребений энеолита. Добавим, что на могильниках Нижнего Притоболья известны остатки специальных — не могильных объектов: ям, канав, которые могут указывать на возведение сооружений для проведения ритуалов жертвоприношения, кремации [Зах и др., 2005, с. 32; Матвеев и др., 2015, с. 19–24].

Что касается антропологических остатков. В местных песчаных почвах сырая кость энеолитического времени сохраняется чрезвычайно плохо. О погребенных обычно сообщают находки обожженных костей. На Дуванском XVII такой случай зафиксирован однажды — в яме 25, но уверенности в том, что эта кость принадлежит человеку, нет.

Таким образом, информационные ресурсы публикуемого памятника весьма ограничены, безупречных аргументов отнесения его к могильникам у нас нет. Но исключать его из списка вероятных некрополей этого времени не стоит. И как любой археологический объект, энеолитический комплекс Дувана XVII дает повод обратиться к теме энеолитических могильников как культурному феномену, свидетельствующему о кардинальных мировоззренческих открытиях и новых культурных адаптациях местного населения.

Прежде всего, зададимся вопросом такого свойства. Почему именно в III тыс. до н.э. происходят столь заметные изменения в культовой практике населения лесного и лесостепного Зауралья и Западной Сибири? Появляются отдельные погребения, могильники, костюм и украшения, которые прямо указывают на формирование знаковой системы идентичности. Причем курсы этой идентичности могли иметь самые разнообразные смыслы. Для предшествующего времени такие примеры практически неизвестны. Ответ подсказывает карта археологических памятников III тыс. до н.э. [Шорин, 1999, рис. 1–4; Чаиркина, 2005, рис. 1]. Судя по всему, в лесостепном и лесном регионах это время очень серьезных перемен, вызванных заметно увеличившейся плотностью населения.

По понятным причинам более всего нас интересует ситуация в зоне Андреевских озер. Опубликованная недавно монография «Древности Андреевской озерной системы» позволяет представить масштабы и этапы освоения этого компактного и привлекательного во все времена района. Жизнь здесь не прерывалась никогда, а открытые археологические памятники прямо указывают на особенности демографической ситуации, которые во многом определялись местными ресурсами жизнеобеспечения. В зоне Андреевской озерной системы сейчас известно 366 археологических памятников, из них около сотни — объекты переходного к эпохе бронзы периода [Зах и др., 2014, с. 170–180]. Даже элементарный подсчет показывает, что в интересующее нас время плотность населения была чрезвычайно высокой. Такая же картина наблюдается в региональном масштабе [Чаиркина, 2005, с. 296]. Полагаем, что между этими показателями есть прямая связь. При повышенной плотности населения, которая была обусловлена оседлым рыболовством², и постоянном проживании на одном месте возникают более сложные формы социокультурного взаимодействия. На подобную ситуацию указывает и чрезвычайное разнообразие археологических типов, отражающих существование различных культурных традиций. В Тюменском Притоболье исследователи выделяют памятники липчинского, шапульского, андреевского, лыбаевского типов, близкие аятским, волвончинским [Чаиркина, 2005, с. 292–294]. Благоприятные природные условия привлекали сюда самые разные группы населения. Отмечающийся исследователями восточно-европейский и южный вклад, а также отсутствие дифференцированных культурных образований, которые составят особенность следующей эпохи, бронзового века, соответствуют стадии интенсивного освоения территории разнокультурными группами населения.

Появление обряда погребения имело универсальный характер, а повсеместное распространение этой практики в целом приходится на периоды резкого увеличения плотности населения, вызванного становлением стабильной системы жизнеобеспечения. В нашем случае речь идет о стационарном рыболовстве, предполагающем необходимость контроля и закрепления промысловых территорий. В условиях сегментации общин неизбежными становятся процессы культурной интеграции, которые в дописьменную эпоху поддерживались обрядами и ритуалами.

---

² Определение «оседлое рыболовство» вряд ли следует признать удачным, но в данном случае мы вынуждены отталкиваться от существующей терминологии.

Энеолитический комплекс поселения Дуванское XVII

Помимо собственно утилитарных способов избавления от умерших, погребальный культ выполнял иные функции, направленные на консолидацию коллективов, которые, скорее всего, находились в некоторой оппозиции друг к другу. Отсюда ярко выраженная разница в обрядовой практике энеолитических могильников. Подобная картина соответствует также стадии формирования новой традиции: заметная вариативность, отсутствие строгих канонов указывают на процесс становления ритуала. От расположенных в непосредственной близости могильников Андреевских озер дуванские «погребения» отличаются разительно. Они не столь трудозатратны. Нет погребений в лодках, с охрой, кремацией, нет украшений. Возможно, обитатели побережья р. Дуван вынуждены были довольствоваться маргинальным положением. Но не исключено, что дальнейшие раскопки этого памятника, а они весьма перспективны, внесут заметные коррективы в наши сегодняшние представления.

Усложнение мифоритуальной практики демонстрируют и иные феномены той поры. В лесостепном Зауралье появляются святилища типа Савина, Велижан, Слободчиков, свидетельствующие о формировании особых культов, для поддержания которых требовались возведение особых сооружений и специально оформленное пространство для осуществления ритуалов, связанных в том числе с археоастрономическими наблюдениями [Потемкина, 2014, с. 50–70].

На это же указывает феномен наскальных изображений Урала. По мнению специалистов, большинство рисунков на открытых плоскостях были оставлены в энеолитическое время [Широков, Чаиркин, 2011, с. 131–135; Чаиркина, 2011, с. 115–119].

Столь яркий всплеск ритуальной деятельности, который нашел выражение в самых разнообразных практиках, свидетельствует о коренных изменениях в культуре местного населения. В это время происходят активные процессы сегментации общин [Чаиркина, 2011, с. 115–116], что требовало поддержания родственных и иных информационных связей. Показательно широкое распространение своего рода транскультурных знаков: украшений каплевидной формы, сделанных из камня и кости [Матвеев и др., 2015, с. 71–74], «утюжков» [Усачева, 2013, с. 72]. Много написано о близости орнаментальных традиций, отражающих, по мнению исследователей, процессы сложения «культурно-исторических областей» III тыс. до н.э. — «ребенчатого геометризма» [Шорин, 1999, с. 57–70], «Зауральско-Североказахстанской» [Чаиркина, 2005, с. 290]. Во многом формирование подобного континуума было обеспечено складывающейся мифоритуальной практикой. В репертуаре поведения человека нет биологических механизмов поддержания единства среди коллективов, превышающих 150 чел. [Данбар, 2012, с. 28–35], на обширной территории в условиях дискретного проживания и эпизодических контактов. Именно ритуалы и обряды, особенно трудоемкие, поддерживают подобное единство [Харари, 2016, с. 127–129].

Новые социальные и мировоззренческие адаптации позиционируют III тыс. до н.э. как особую веху в дописьменной истории лесного и лесостепного Зауралья, поэтому стремление исследователей закрепить за ним наименование «энеолит» вполне понятно и правомерно, хотя в целом культуры развивались в парадигме каменного века.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Борзунов В.А. Укрепленные поселения первой половины эпохи бронзы севера Западной Сибири // *Stratum plus*. Кишинев: Изд-во ун-та «Высшая антропологическая школа», 2015. № 2: Доисторическая Европа: интерпретация культур. С. 295–315.

Бельтикова Г.В., Борзунов В.А., Корочкова О.Н., Погодин А.А., Сергеев А.С., Стефанов В.И. Исследование селищ конца бронзового — начала железного веков на Барсовой горе // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2003. Вып. 1. С. 232–243.

Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г. Раскопки укрепленного жилища эпохи бронзы Быстрый Кульеган 38 в Сургутском Приобье: (Итоги работ 2000 г.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2011. Вып. 9. С. 255–310.

Данбар Р. Лабиринт случайных связей. Рассказ о том, как мы общаемся, а главное — зачем. М.: Ломоносовъ, 2012. 288 с.

Зах В.А., Зотова С.В., Панфилов А.Н. Древние могильники на Андреевском озере близ Тюмени // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: ОмГУ, 1991. С. 13–42.

Зах В.А., Скочина С.Н., Пархимович С.Г. Грунтовый могильник Чепкуль 21 на севере Андреевской озерной системы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 6. С. 24–42.

Зах В.А., Усачева И.В., Зимица О.Ю., Скочина С.Н., Чукунова И.Ю. Древности Андреевской озерной системы: В 2 т. Т. 1: Археологические памятники. Новосибирск: Наука, 2014. 225 с.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Поселение федоровской культуры // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Уфа, 1983. С. 143–151.

О.Н. Корочкова, А.В. Мосунова

Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Сериков Ю.Б., Скочина С.Н. Культурные памятники эпохи энеолита. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2015. 156 с.

Потемкина Т.М. Святилища энеолита и бронзового века Западной Сибири как источник астрономических знаний и космологических представлений в древности // *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*, 2014. Вып. 2 (1). С. 50–89. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://aaatec.org/art/a_pt2.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Приоболья. Екатеринбург: Полиграфист, 2000. 108 с.

Усачева И.В. «Утюжки» Евразии. Новосибирск: Наука, 2013. 352 с.

Харари Ю.Н. *Sapiens*: Краткая история человечества. М.: Синдбад, 2016. 520 с.

Чаиркина Н.М. Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья (по материалам погребально-культурной площадки Скворцовская Гора V). Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 224 с.

Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 513 с.

Широков В.Н., Чаиркин С.Е. Наскальные изображения Северного и Среднего Урала. Екатеринбург: Ажур, 2011. 182 с.

Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: Проблемы культурогенеза. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. 181 с.

O.N. Korochkova, A.V. Mosunova

Ural Federal University

Mira st., 19, Ekaterinburg, 620002, Russian Federation

E-mail: olga.korochkova@urfu.ru;

mosunova.anna@yandex.ru

THE ENEOLITHIC COMPLEX OF DUVANSKOYE XVII SETTLEMENT

The article deals with publication of the Eneolithic complex of Duvanskoye XVII monument, which is situated just outside the city of Tyumen. The monument is well known as a Fedorovo culture settlement. However, its Eneolithic period is of great interest as well. A dwelling with more than 50 pits was constructed in the 3rd century BC. The building of the pole frame construction was reconstructed due to a rectangular pit sized 6×5,3 metres and a number of pole holes situated around the pit at the distance of 1–3 meters. The samples from the building are represented by the Andreevo culture pottery, clay biconic plummets, and things made of silicium and jasper. There were over 50 regularly shaped pits randomly situated to the west of the dwelling. Some of them had debris of vessels of the Andreevo, Lipchin and Shapkul types, small fragments of ceramics, and articles made of stone, including small-sized polished ones. The majority of findings was located in the area between the pits. Their regular shape has considerable resemblance to the burial ones. However, the absence of anthropological remnants gave no chance of identifying them as burial places. The situation has changed by now. The materials from the eneolithic burial grounds of Pereyminsky 1, 2, Chepkul 20 and Buzan 3, located in close proximity, were excavated and published. A number of parallels were discovered, such as regularly shaped pits, concentration of material in the area between the graves, existence of other structures aimed at pre and post funeral rituals. All above mentioned let us consider the published complex as a burial ground. Appearance of a purposeful burial has a universal pattern. It became wide spread in the period of dramatic growth of the population density, which in its turn was caused by forming stable life sustenance systems. In this context, it refers to settled fishing, which meant a necessity to fix and control the catching areas. In the conditions of segmented communities, the processes of cultural consolidation became inevitable, which under the circumstances of the preliterate era were supported by customs and rituals.

Key words: Lower Tobol, Andreevsky lake system, the Eneolithic, burial ground, Andreevo type, Shapkul type, Lipchin type.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-005-015

REFERENCES

Bel'tikova G.V., Borzunov V.A., Korochkova O.N., Pogodin A.A., Sergeev A.S., Stefanov V.I., 2003. Issledovanie selishch kontsa bronzovogo — nachala zheleznogo vekov na Barsovoi gore [Research of the settlements of the Late Bronze Age — Early Iron Age at the archaeological site of Barsova Gora]. *Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo*, 1, pp. 232–243.

Borzunov V.A., 2015. Fortified settlements of the first half of the Bronze Age in the North of Western Siberia. *Stratum Plus*, no. 2, pp. 295–315.

Borzunov V.A., Stefanov V.I., Glushkov I.G., 2011. Raskopki ukreplennogo zhilishcha epokhi bronzy Bystryi Kul'egan 38 v Surgutskom Priob'e: (Itogi rabot 2000 g.) [Excavations of the fortified dwelling of Bystryi Kul'egan 38 of the Bronze Age in the Ob River Basin near Surgut: (Work results of 2000)]. *Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo*, 9, pp. 255–310.

Энеолитический комплекс поселения Дуванское XVII

Chairkina N.M., 2005. *Eneolit Srednego Zaural'ia* [Eneolithic of the Middle Trans-Urals], Ekaterinburg: UrO RAN, 513 p.

Chairkina N.M., 2011. *Pogrebal'nye komplekсы epokhi eneolita i rannego zheleznogo veka Zaural'ia (po materialam pogrebal'no-kul'tovoi ploshchadki Skvortsovskaya Gora V)* [Funerary complexes of the Neolithic and the Early Bronze Age in the Trans-Urals (based on materials of the funerary cult ground of Skvortsovskaya Gora V)], Ekaterinburg: UrO RAN, 224 p.

Danbar R., 2012. *Labirint sluchaynykh svyazey: Rasskaz o tom, kak my obshchaemysya, a glavnoe — zachem* [A maze of accidental contacts: A story of how and why we communicate], Moscow: Lomonosov", 288 p.

Kharari Yu.N., 2016. *Sapiens: Kratkaya istoriya chelovechestva* [Sapiens: A Brief History of Humankind], Moscow: Sindbad, 520 p.

Korochkova O.N., Stefanov V.I., 1983. Poselenie fedorovskoi kul'tury [A settlement of the Fedorovo culture]. *Bronzovyi vek stepnoi polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ia*, Ufa, pp. 143–151.

Matveev A.V., Matveeva N.P., Serikov Iu.B., Skochina S.N., 2015. Kul'tovye pamiatniki epokhi eneolita [Cult places of the Eneolithic]. *Drevnosti Ingal'skoi doliny*, 3, Tyumen': Izd-vo TiumGU, 156 p.

Potemkina T.M., 2014. Svyatilishcha eneolita i bronzovogo veka Zapadnoy Sibiri kak istochnik astronomicheskikh znaniy i kosmologicheskikh predstavleniy v drevnosti [Sanctuaries of the Eneolithic and the Bronze Age in Western Siberia as a Source of Astronomical Knowledge and Cosmological Ideas in Antiquity]. *Arhaeoastronomy and Ancient Technologies*, 2 (1), pp. 50–89, available at: http://aaatec.org/art/a_pt2.

Shirokov V.N., Chairkin S.E., 2011. *Naskal'nye izobrazheniya Severnogo i Srednego Urala* [Rock paintings of the Northern and Middle Urals], Ekaterinburg: Azhur, 182 p.

Shorin A.F., 1999. *Eneolit Urala i sopredel'nykh territoriy: Problemy kul'turogeneza* [The Eneolithic Age of the Urals and adjacent territories: problems of cultural genesis], Ekaterinburg: UrO RAN, 181 p.

Stefanov V.I., Korochkova O.N., 2000. *Andronovskie drevnosti Tiimenskogo Pritobol'ia* [Andronovsky antiquities of the Tobol River Basin near Tyumen], Ekaterinburg: Poligrafist, 108 p.

Usacheva I.V., 2013. «Utyuzhki» Evrazii [«Grooved Stones» of Eurasia], Novosibirsk: Nauka, 352 p.

Zakh V.A., Skochina S.N., Parkhimovich S.G., 2005. Gruntovyi mogil'nik Chepkul' 21 na severe Andreevskoi ozernoi sistemy [The burial ground of Chepkul' 21 in the north of the Andreevsky lake system]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, no. 6, pp. 24–42.

Zakh V.A., Usacheva I.V., Zimina O.Iu., Skochina S.N., Chikunova I.Iu., 2014. *Drevnosti Andreevskoi ozernoi sistemy: V 2 t. T. 1: Arkheologicheskie pamiatniki* [Antiquities of the Andreevsky lake system: In 2 vol. Vol. 1: Archaeological sites], Novosibirsk: Nauka, 225 p.

Zakh V.A., Zotova S.V., Panfilov A.N., 1991. Drevnie mogil'niki na Andreevskom ozere bliz Tiumeni [Ancient burial grounds at the Andreevsky Lake near Tyumen]. *Drevnie pogrebeniia Ob'-Irtysh'ia*, Omsk: Izd-vo OmGU, pp. 13–42.